

Утверждаю

Директор Института славяноведения РАН,
доктор исторических наук

К.В. Никифоров

25 декабря 2018 г.

Отзыв ведущей организации на диссертацию

Солдатов Антон Анатольевич. «Степан Кеневич и польская историческая наука».
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. Диссертация на соискание
ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.03 – «Всеобщая
история» (Новая и Новейшая история). Калининград, 2018. Компьютерный набор – 175 С.

Представленная диссертация посвящена весьма важной и вместе с тем малоизученной в отечественной историографии теме, а именно: истории польской исторической науки периода Народной Польши. Вместе с тем, сама формулировка заглавия диссертации вызывает сомнение, поскольку трудно себе представить, каково соотношение личности и творческого пути Стефана Кеневича – несомненно, выдающегося польского историка – и польской исторической науки в целом.

Поэтому, анализируя содержание диссертации А.А. Солдатова, мы будим исходить из сформулированных самим автором целей и задач исследования, избегая, по возможности, ставить перед ним вопросы, естественно возникающие вследствие широкого толкования заглавной темы диссертации. Как следует из Введения, «предметом исследования является жизнь и научное творчество Стефана Кеневича, отражающие сложности профессиональной деятельности историка, и, в частности его теоретико-методологического поиска, а также особенности его взаимодействия с научным сообществом» (С. 6). Там же, двумя страницами ранее, описывая научную актуальность темы, А.А. Солдатов указал на важность: 1) «ревизии достижений исторической науки бывших социалистических стран»; 2) изучения «польско-советских научных отношений»; 3) «комплексного изучения творчества Кеневича», что пока не сделано ни в Польше, ни в России; 4) «углубления понимания различных аспектов развития польской историографии

в XX веке». (С. 4–6). Если оставить в стороне 4-й пункт об «углублении понимания», то в целом можно вполне определенно составить представление о проблематике и задачах представленного диссертационного исследования и подтвердить тезис автора о его научной актуальности как в целом, так и с точки зрения требований, предъявляемых к научно квалификационным работам. Хронологические рамки диссертации автор «обусловил годами жизни Стефана Кеневича –1907-1992 гг.» (С. 6).

Диссертация состоит из Введения, трех глав (подразделенных на параграфы), Заключения, Списка источников и литературы. Ссылки на исторические источники, на литературу, а также авторские комментарии и справочные сведения биографического характера помещены в подстрочных примечаниях.

Во Введении (С. 3–36) определяется актуальность, объект и предмет данного диссертационного исследования, его теоретические и методологические принципы. Во Введении присутствует обширный и хорошо структурированный историографический раздел (С. 17–32), в целом ограниченный кругом литературы, начиная со второй половины XX в. В разделе А.А. Солдатовым выделено две части: а) «общая литература по истории Польши XIX–XX вв. по темам, которыми занимался С. Кеневич,» и б) «литература о польской исторической науке (в том числе работы непосредственно о Кеневиче)» (С. 18–32). Важнейшим историческим рубежом в развитии историографии Солдатов обоснованно выделяет переломные 1990-е годы. В целом он аргументировано опирается на практически общепринятою периодизацию развития исторической науки в Польше и в СССР во второй половине XX века. Позитивно следует отметить, что автор рассматривает развитие польской и отечественной историографии не изолированно, а как взаимосвязанный процесс. В целом содержащийся во Введении историографический очерк дает полный обзор литературы по проблеме. Анализ историографии позволяет автору дать полное историографическое обоснование темы представленного диссертационного исследования. Хотелось бы только обратить внимание диссертанта на опубликованный в Польше в 2015 г. десятый том «Истории польской науки», относящийся к периоду 1944–1989 гг., который позволил бы автору расширить свои представления о характере, контексте, и новейших оценках развития польской науки исследуемого периода.

Источникедческий раздел Введения (С. 8–18), пожалуй, наиболее удачная часть этого раздела диссертации. В высокой степени позитивного впечатления не портит даже некоторая его излишняя формализованность, когда, например, на первое место в классификации ставится «делопроизводство государственных (как политических, так и научных) институтов, в том числе материалы научных съездов и конференций» (С. 8).

Думается, что материалы съездов историков едва ли стоит объединять с делопроизводством государственных учреждений, да и сам диссертант в тексте обзора источников не делает этого.

А.А. Солдатов в работе над диссертацией использовал фонды архивов Российской и Польской академий наук, Института истории ПАН, Варшавского и Ягеллонского университетов, при этом обращение к архивным материалам позволило автору сделать ряд важных уточнений фактографического характера и наблюдений процесса эволюции взаимоотношений Стефана Кеневича с властями, его общественных позиций и методологических принципов научного исследования, которым следовал польский ученый.

Говоря об источниковедческом разделе Введения, следует подчеркнуть, что диссертант не только приводит перечень использованных источников и их аннотацию, но и делает их обоснованную систематизацию и классификацию, а также особо останавливается на вопросах методики верификации источников и на их источниковедческой критики, что свидетельствует о степени его профессиональной подготовки как историка-исследователя. В целом историографический раздел диссертации дает убедительное источниковедческое обоснование диссертационного исследования, показывая, что источниковая база диссертации достаточна для научного решения поставленных автором исследовательских задач и обоснования положений диссертации, выносимых на защиту.

Глава 1. «Становление историка 1907–1945». Открывается описанием детства, юности и студенческих лет Кеневича. Его мировоззрение этого времени А.А. Солдатов «условно определил» как «патриотическое», что, по словам диссертанта, было обусловлено дворянским происхождением и религиозностью будущего историка. Он также отметил значение «общенационального подъема», вызванного восстановлением польского государства (С. 50). Вместе с тем важно указать на наблюдение диссертанта, что семья Кеневича не принадлежала к политически активным элементам польских землевладельцев Кресов, что традиции Восстания 1863 г., хотя и чтились, но не звучали ни для Кеневича, ни для его семьи демонстративно, что переезд семьи Кеневича в Варшаву в 1918 г. был обусловлен не патриотическими устремлениями, как традиционно считалось в советской литературе, а, прежде всего, необходимостью бегства из разграбленного имения, оставшегося на территории Советской Белоруссии. Наконец, важно отметить, что в университете Кеневич не проявлял политической активности, сосредоточившись, по его словам, на сугубо академических занятиях (С. 45 и далее). Эти наблюдения Солдатова позволяют внести существенные уточнения в сложившиеся в

отечественной историографии представления о том, что интерес историка к проблемам польского освободительного движения был обусловлен патриотическими (повстанческими) семейными традициями. Вместе с тем, нельзя не принять в расчет, что все отмеченные наблюдения сделаны на источниках автобиографического характера, написанных Кеневичем во времена ПНР, когда историк, по понятным соображениям, не писал откровенно о своих политических позициях в период до образования Народной Польши. Это в полной мере относится и ко времени Второй мировой войны и оккупации Польши гитлеровцами в 1939–1945 гг. В анализе этого периода докторант пришлось опираться исключительно на польскую литературу и свидетельства самого Стефана Кеневича.

Собственно период Второй мировой войны в биографии Кеневича объединен в докторантуре с периодом 1930-х годов, когда молодой историк переехал в Варшаву и присоединился к школе Марселя Хандельсмана. Данная докторантурой характеристика методологических подходов и методики работы последнего, а также его вклада в польскую историческую науку представляются обоснованными и не вызывают существенных возражений. Под руководством Хандельсмана Кеневич работал над докторской диссертацией о Познанском восстании 1848 г.

А.А. Солдатов задается вопросом о политических позициях Кеневича в 1930-е годы и констатирует, что имеющиеся источники не дают на него ответа (С. 52–54). Сам Кеневич всячески избегал откровенных высказываний об этом. В распоряжении исследователей, к сожалению, пока нет выявленных свидетельств в этом отношении современников историка. В этих условиях докторант приходится, опираться на утверждение самого Кеневича, почерпнутое из автобиографического эссе «Из размышлений летописца...», опубликованного в кризисном 1980 году. Тогда, по прошествии почти полувека, Кеневич писал, что, присоединившись к кругу учеников Хандельсмана, он избавился «от консервативных и националистических предрассудков, которые впитал в молодости» (С. 53–54). Этот текст, напоминающий более стандартную формулу идеологического и политического покаяния и не имеющий продолжения, поскольку в нем не говорится, в чем именно заключалось обновленное мировоззрение молодого ученого, свидетельствует, вероятно, о том, что в идейном отношении Кеневич в 1930-е годы находился в русле господствующих идеологических постулатов и политических тенденций межвоенной Польши.

Собственно доказательством этого может служить работа Кеневича в Бюро информации и пропаганды Армии Крайовой. Вслед за польской историографией Бюро, в изображении Солдатова, предстает чуть ли не как просветительская организация. Однако,

если рассматривать связи Бюро с лондонским правительством и Делегатурой, а также выпущенные Бюро пропагандистские материалы, то нельзя не признать, что в функции Бюро входили, прежде всего, разведка и вербовка новых членов АК, а также антисоветская и антикоммунистическая пропаганда. АК и ее подразделения были важной составной частью польского антифашистского сопротивления. Члены АК в борьбе с гитлеровскими оккупантами руководствовались в первую очередь патриотическими устремлениями. Однако это не отменяет антисоветского и антикоммунистического характера этой организации и ее политической направленности. Разумеется, следует признать, что именно патриотические позиции стали почвой для добросовестного сотрудничества многих членов АК с возрожденной Народной Польшей, но это отнюдь не означало их отказа от прежних идейных установок и перехода на позиции социалистической идеологии, особенно в духе интерпретации последней со стороны ПОРП.

Третий параграф 1-й главы, озаглавленный «Польские восстания в довоенном творчестве Кеневича» (С. 60–69), занимает в первой главе центральное место, поскольку именно в нем диссертант делает первые выводы по существу исследования, о месте Кеневича в исторической науке Польши в 1930-е годы. На основе достаточно детального анализа А.А. Солдатов констатирует, что, работая над историей восстания 1848 г. в Познани «Кеневич сосредоточился на политической истории, на социальных процессах и на роли Л. Мерославского» (С. 61). Это, по мнению диссертанта, соответствовало методологии Хандельсмана (С. 61-62). Сконцентрировав внимание на «польском обществе» как объекте исследования, историк понимал под «обществом» «весь польский народ от шляхты до крестьян, включенных в борьбу»(С. 62).

Диссертант отмечал, что «Кеневич видел причины восстания не в жестокой политике Пруссии или эмигрантской пропаганде, а в распаде традиционного социально-экономического уклада» (С. 62). Одним из следствий подавления восстания пруссаками, в трактовке Кеневича, стало то, что Великая Польша закрывалась от Королевства и Галиции (С. 64).

Тема Январского восстания 1863 г. была затронута Кеневичем в связи с биографией Адама Сапеги. Говоря об этой работе, диссертант присоединяется к мнению М. Вольневича, что Кеневич «анализировал польские бунты в духе повстанческой традиции пилсудистского направления в историографии, в рамках которого восстания рассматривались на основе исторического индивидуализма» (С. 65-66). Присущая Кеневичу романтическая идеализация повстанческой борьбы трактуется диссидентом

(вслед за М. Вольневичем) как проявление влияния пилсудистской историографии (С 66-67).

Выдвинутые А.А. Солдатовым тезисы достаточно обоснованы и в то же время они вызывают существенные возражения. Представляется, что нет основания говорить о специфической «методологии Хандельсмана». Методологические дискуссии в польской историографии 1920–1930-х годов велись достаточно интенсивно и в целом развивались в едином для европейской историографии русле неокантианских и позитивистских воззрений. Если же говорить о влиянии на творчество Кеневича его старших современников, то воззрения историка на социально-экономическое развитие польских земель, в частности о «закрытии Галиции от Королевства Польского», и в крестьянском вопросе восходят к Владиславу Грабскому. Трактовка роли личности в польской истории у Кеневича 1930-х годов имеет много общих черт с воззрениями Владислава Конопчиньского, творчество последнего увлекало Кеневича еще в студенческие годы. Разумеется, мы ни в коем случае не утверждаем наличия некой прямой зависимости (тем более формального заимствования), а хотим указать на некие общие направления методологического поиска, бытовавшие в польской историографии и нашедшие отклик в творчестве Кеневича.

По непонятным для нас основаниям А.А. Солдатов обошел молчанием традиции повстанческой публистики и повстанческой историографии, оказавшие большое влияние на польскую науку, начиная с 1880-х годов. Все эти соображения в совокупности с выбором Кеневичем познанской (анти-германской) тематики позволяют предположить, что в идейном и методологическом отношении он в 1930-е годы был ближе к умеренному крылу народовых демократов. Тем более, вызывает сомнение неоднократно примененный диссертантом термин «пилсудистская историография» (например, С. 65), содержание которого диссертант не раскрывает.

Глава 2 «Перелом и адаптация: Стефан Кеневич и польская историческая наука в 1945–1950-х годах» (С. 70–112) посвящена периоду «сталинизации» в ПНР и «адаптации»(термины диссертанта) С. Кеневича как ученого-историка к новой общественно-политической ситуации в стране. А.А. Солдатов отмечает, что термин «сталинизация» «общеупотребим» в современной историографии (С. 70). С этим утверждением можно согласиться, однако отдельные историографические школы вкладывают в этот термин различное содержание. С этой точки зрения, диссертант, очевидно, пошел по стопам новейшей польской историографии, далеко не со всеми положениями которой можно безоговорочно согласиться. Примеры такого рода поверхностных суждений изобилиуют на стр. 70-71 и далее. В частности диссертант

указывает, что «реформирование польской науки не было оставлено на откуп местным властям (!?) и проходило под пристальным контролем СССР. Наверху пирамиды стояла ВКП(б) / КПСС...» (С. 74).

Не вступая в дискуссию по отдельным деталям, отметим только, что А.А. Солдатов подробно изложил меры ППР / ПОРП, направленные на установление руководящей роли правящей партии в области науки и высшего образования, в частности, на внедрение марксистской методологии в исторической науке. Однако приведенный доктором материала ни в коей мере не подтверждает ни тезиса о «сталинизации» науки, ни о её «сталинистских институциях» (С. 72).

Во-первых, идеологические, теоретические и конкретно-исторические установки ПОРП основывались на теории марксизма-ленинизма и не несли в себе никакой сталинской специфики, тем более заимствования сталинских концепций и сталинского толкования марксизма. Во-вторых, партийное влияние СССР на идеологическую сферу деятельности ПОРП ограничивалось взаимодействием ЦК правящих в СССР и в ПНР партий и их соответствующих отделов в рамках межпартийных дискуссий. Директивных постановлений ЦК ВКП(б) в отношении ПОРП по этим вопросам, насколько нам известно, пока не выявлено. В-третьих, прямого взаимодействия между научными организациями СССР и ПНР вплоть до второй половины 1950-х годов практически не было. Это отмечали, в частности, руководители АН СССР и Польской академии наук. В 1948–1955 гг. контакты с польскими историками поддерживали академики Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, Е.А. Косминский, П.Н. Третьяков. При этом отношения с польскими коллегами Грекова и Косминского уходили еще в начало XX века. Все упомянутые ученые по своей специализации были медиевистами, имели достаточно высокий авторитет в польском научном сообществе и никоим образом не были проводниками «сталинизации». В-четвертых, несмотря на официальное провозглашение марксизма методологическим фундаментом польской исторической науки, в ней продолжали развиваться сформированные еще в первой половине XX в. научные школы Владыслава Конопчиńskiego (Э. Ростровский, Е. Михальский), традиции историографической школы ППС, представленные, в частности, Юлиушем Бардахом и Чеславом Модайчиком, а также традициями людовской историографии. В этом ряду можно назвать и укоренившиеся в польской науке традиции Школы Анналов. О последней доктор даже упоминает в 3-й главе.

Следует также отметить, что марксистское направление в польской исторической науке сформировалось еще задолго до 1952 г. и было представлено также Витольдом Кулей, который еще до войны учился у Ст. Арнольда и Н. Гонсёровской. Звучащий в

диссертации негативизм по отношению к последним представляется слишком односторонним.

Не лишне было бы также напомнить, что победа СССР над гитлеровской Германией была одновременно и победой социалистической идеологии над идеологией нацизма, что делало марксистскую теорию привлекательной в глазах послевоенного поколения интеллектуалов в Европе. Этим обстоятельством не в последнюю очередь объясняется обращение к марксистской методологии представителей молодого поколения польских историков, участвовавших в движении Сопротивления, таких как Рышард Колодзейчик, Людвик Базылев и другие. С учетом отмеченных обстоятельств нет достаточных оснований поддержать тезис о сталинизации польской исторической науки как он представлен в новейшей польской историографии и воспроизведен в тексте рассматриваемой диссертации. Этого не отменяет даже факт присутствия среди польских историков партийных догматиков вроде Тадеуша Данишевского (последний не был даже историком по образованию).

Решительные возражения вызывает тезис диссертанта, почерпнутый в книге Яна Шумского (ссылка при этом на нашу статью неуместна), «о создании в Советском Союзе научной организации, которая координировала бы работу историков в странах народной демократии и следила (?) за содержательной стороной проводимых исследований. Такие обязанности были возложены на открытый в 1947 г. в Москве Институт славяноведения». (С. 74 и сн. 226).

Создание Института славяноведения АН СССР было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, в годы Второй мировой войны все без исключения славянские народы оказались жертвами гитлеровской агрессии и сражались вместе с СССР на стороне антигитлеровской коалиции. Антифашистский союз славянских народов стал уникальным явлением в мировой истории, что поставило задачу специального изучения славянской общности и продолжения в СССР традиций славяноведения в царской России. Во-вторых, после войны славянские страны и СССР были объединены в рамках социалистического лагеря, что также диктовало потребность их специального изучения. Разумеется, ученые института внесли свой существенный вклад в развитие марксистской историографии стран-союзников СССР, однако это осуществлялось сугубо в рамках многосторонней научной дискуссии между историками, которая в равной мере обогащала науку всех стран. Разумеется, в этих дискуссиях встречались и случаи догматических разногласий, тем не менее, ни о каком администрировании или надзоре со стороны Института славяноведения в отношении польской исторической науки не могло быть и речи.

Главным вопросом 2-й главы диссертации, как это собственно следует из ее заглавия, является проблема научного становления С. Кеневича как одного из ведущих историков ПНР. Вопрос этот рассматривается А.А. Солдатовым, начиная с эпизода хабилитации Кеневича в Ягеллонском университете. В связи с этим следует заметить, что для понимания роли Krakowskого университета в 1940-е и в начале 1950-х годов было бы полезно охарактеризовать положение всех польских университетов этого периода. Тогда стало бы понятно, почему, в отличие от Warsawского университета, подвергшегося гонениям со стороны властей, Ягеллонский университет и университеты на возвращенных землях пользовались их покровительством, а Ягеллонский университет, начиная с 1946 г., становится центром подготовки лояльных властям историков. Компромисс Ягеллонского университета с руководством Народной Польши был достигнут на основе патриотического согласия своего рода наследников национальных демократов, идеологическим центром которых в межвоенной Польше был Ягеллонский университет, и национально ориентированного руководства ПОРП. Думается, что это обстоятельство диссертанту не мешало бы принять во внимание.

Этим же во многом объясняется ярко и убедительно описанная А.А. Солдатовым карьера Кеневича в конце 1940-х и в 1950-е годы. По словам диссертанта, «карьера ученого налаживалась. В ретроспективе видно, что активный и деятельный Т. Мантейфель взял С. Кеневича под свою опеку» (С.77). «Таким образом, для коммунистической власти Кеневич первоначально был не просто ученым, далеким от исторического материализма, но одним из ярких представителей "реакционных", "буржуазных" историков» (С. 81). «Реверанс С. Кеневича в сторону ортодоксального марксизма помог ему избежать попадания в среду маргинальных, с точки зрения партии, ученых. К слову, Я. Берман даже упомянул его среди специалистов, которые могут войти в состав формирующейся кафедры Новой истории Warsawского университета» (С. 85).

Приведенные тезисы убедительно аргументированы и подтверждены многими другими наблюдениями диссертанта, который, однако, сам заметил, что после кадровой чистки в Warsawском университете, Кеневич согласился занять одну из освободившихся должностей. Тогда А.А. Солдатов задался вопросом, был ли «этот шаг Кеневича вынужденным или носил скорее формальный характер?» (С. 85). То есть ради карьеры он поступил в угоду властям, изменив не только исповедуемым научным принципам, но и сделал шаг, не безупречный с этической точки зрения.

Важными наблюдениями А.А. Солдатова являются положения диссертации о методах и формах внедрения марксистской методологии в историческую науку ПНР. Он, в частности, указал, что, по словам самого Кеневича, в 1940-е годы тот «не имел никакого

представления об историческом материализме, основным его принципам и терминологии учился случайно, в ходе разговоров с коллегами и издателями, молча прислушиваясь к дискуссиям, особенно на ежегодных съездах Польского исторического общества» (С. 76). Обстоятельства подобных дискуссий, в том числе и на различных форумах польских историков, а также участие в них Кеневича, детально и на высоком уровне проанализированы в диссертации. Однако некоторые суждения диссертанта вызывают возражения. Так в связи с упоминанием Кеневичем в одном из докладов «Галицийской резни» А.А. Солдатов пишет: «Обычно осторожный историк (Кеневич) провел вполне очевидную аналогию между современными ему событиями и историей столетней давности, только агрессором выступала уже не Австрийская империя, а Советский Союз. Объяснить такой шаг можно тем, что ученого еще оставалась надежда на сохранение хотя бы минимальной свободы творчества. Подтверждает этот тезис письмо Кеневича жене, в котором писал "о крохотной форточке для немарксистов"». (С. 78).

Диссертант упустил из вида, что этот эпизод был описан Кеневичем сорок лет спустя в весьма тенденциозной работе 1986 г., в которой польский историк специально хотел подчеркнуть свое якобы изначальное противостояние с народной властью, очевидно, существенно отклонившись от достоверного описания событий и изменив тональность их изложения. Процитированная диссертантом работа Кеневича отсутствует в списке использованной литературы. Во всяком случае, тезис о «советской агрессии» лишен смысла и логической связи с контекстом.

В целом сделанный диссидентом вывод по 2-й главе представляется обоснованным. «На примере биографии С. Кеневича, – констатирует А.А. Солдатов, – видно, что польским коммунистам не удалось до конца реализовать политику сталинизации. Масштабное реформирование исторической науки по советскому образцу лишь формально символизировало победу нового порядка. Далеко не все польские историки поддержали новую политику после войны, но, несмотря на давление властей и ангажированных в реформирование науки ученых, в целом сохранили свое положение в науке. Польские ученые сохранили и относительную свободу творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами). Многие из них продолжили работу (несмотря на разные ограничения и трудности). Диссидент присоединился в этом отношении к мнению, высказанному «авторами "Польши в XX веке"» (С. 111). В итоге диссидент, как видно из приведенного высказывания, считает «политику сталинизации не реализованной до конца». Более того он утверждает, что «марксизм, оставаясь в ПНР "единственно правильной" теорией, творчески понимался (!) многими историками, которые старались избежать идеологизации науки». (С. 111).

Третья глава диссертации озаглавлена «Стефан Кеневич на пути к историческому синтезу» (С 113–153). При этом А.А. Солдатов определяет и суть понятия «исторический синтез» и содержание главы в целом в следующем итоговом выводе В случае Кеневича синтез, представленный в «Январском восстании» позволил историку остаться в стороне от главного для поляков исторического вопроса «борьба или примирение»: Кеневич не пошел на открытый конфликт с властью, адаптировал марксистский подход и при этом не отказался от, по сути, патриотических идей, выработанных им в 1930-е годы. Его выбор заключался добросовестном труде ученого (поиск, анализ, публикация источников, исследование прошлого) и учителя (обучение мастерству историка студентов и аспирантов), который сохраняет и умножает знание о прошлом (С. 153). Если, пользуясь словами диссертанта, «оставить в стороне» весьма туманный и сомнительный тезис о «главном для поляков историческом вопросе» «борьба или примирение», то в целом выводы автора по содержанию главы представляются вполне обоснованными и убедительными, они подтверждены обширным фактическим и историографическим материалом.

Вместе с тем, некоторые суждения автора представляются достаточно поверхностными, некритически следующими за польской историографией. Так например, на с. 129–130 А.А. Солдатов, возражая против тезиса о смягчении идеологической обстановки в ПНР после 1956 г., пишет, что в этом «трудно согласиться с российскими исследователями. В ПНР все еще сохранялась цензура, а кажущийся методологический плюрализм был возможен только в рамках марксистской теории. Собственно, теоретическая концепция Е. Топольского и являлась одним из примеров обновления марксистской теории после 1956 года». Термин цензура мелькает на страницах диссертации с завидным постоянством. Вместе с тем, стоило бы напомнить автору, что в польской историографии под термином цензура объединен весьма обширный круг явлений, которые собственно цензурой не являются. Цензура в собственном значении – это запрещение специальным надзорным органом публикации тех или иных материалов. Вместе с тем применение «эзопова языка», тех или иных приемов редактирования, прохождение научных текстов через стадии научных обсуждений в творческих коллективах, в ученых и специализированных советах и даже их критика в партийных организациях в собственном смысле цензурой не являлись. Более того, не раз встречалась и практика так называемой «самоцензуры», когда по карьерным или иным субъективным соображениям авторы сами смягчали используемые формулировки или делали иные изъятия, или напротив – добавления, в своих сочинениях. Огульное объединение всех этих и им подобных сложных явлений под термином цензура, с одной стороны, создает

ложное представление о неких гиперболизированных страданиях, которые якобы выпали на долю научного сообщества, а с другой – призвано поставить под сомнение качество научных достижений и в целом уровень развития исторической науки в ПНР.

Хотелось бы также указать А.А. Солдатову на практическое отсутствие в третьей главе хронологических и качественных рубежей развития ситуации в ПНР после 1956 г. Вместе с тем кризисы 1968, 1970, 1977, 1980–1981 и 1987–1989 годов существенно повлияли и на ситуацию в исторической науке, и на общественные и научные позиции самого Кеневича. Вероятно, диссертанту также было бы небесполезно более детально познакомиться с творчеством и наследием упомянутых в работе видных советских и российских ученых (например, И.И. Костюшко или И.С. Миллера), что помогло бы углубить некоторые наблюдения и суждения в диссертации.

Основные выводы исследования обобщены А.А. Солдатовым в Заключении (С. 154–156)

В целом диссертация представляет собой оригинальное научное исследование, впервые предпринятое по данной теме в отечественной историографии. Автор обобщил богатый конкретный исторический и историографический материал. Работа содержит существенные и актуальные с научной точки зрения наблюдения и выводы как конкретно-исторического, так и теоретического характера. Многие из них являются дискуссионными, что, несомненно, расценивается как достоинство исследования. Высказанные в отзыве критические замечания следует рассматривать не как следствие тех или иных недостатков конкретного диссертационного исследования, а как свидетельство, во-первых, сложности и обширности утвержденной темы диссертации и, во-вторых актуальности и дискуссионности поставленных и разрешенных в ней научных проблем.

В рамках определенных в работе предмета, целей и задач исследования диссертация соответствует всем квалификационным научным и профессиональным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, всем формальным требованиям ВАК, а также профилю и специальности Диссертационного совета.

Содержание диссертации в полной мере отражено в автореферате а также в публикациях А.А. Солдатова в рецензируемых изданиях по списку ВАК.

Диссертация А.А. Солдатова найдет применение в подготовке обобщающих трудов и в монографических исследованиях по истории Польши и польско-российских отношений XX века, по истории польско-российского научного сотрудничества, по истории польской науки. Диссертация также может быть использована при подготовке общих и специальных университетских курсов по названной проблематике в рамках

преподавания всеобщей истории, истории южных и западных славян, по истории исторической науки в России и в Польше. Диссертация может быть также использована в дипломатической практике и в разработке и реализации конкретных проектов по развитию научного и культурного сотрудничества России и Польши.

Диссертация «Стефан Кеневич и польская историческая наука» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история» (Новая и Новейшая история) представляет собой квалифицированное, самостоятельное, завершенное исследование, в котором решена актуальная задача, имеющая важное научно-познавательное и практическое значение. Упомянутая диссертация в полной мере отвечает требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением № 242 Правительства РФ от 24.09.2013 г. (в редакции Постановления Правительства РФ от 28.08.2017 г. № 1024), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Солдатов Антон Анатольевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности Всеобщая история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, зав. отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН Б.В. Носовым.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, протокол № 6 от 25 декабря 2018 г.

Зав отделом

истории славянских народов Центральной Европы в Новое время
Института славяноведения РАН

do

Б.В. Носов

25 декабря 2018 г.

ВЕРНО: подпись Б. В. Носова удостоверено
Заведующая кадрами
Лариня Куреня
25 декабря 2018 г.

Сведения о ведущей организации

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН)

Россия, 119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32 А, корпус «В»

тел. (495) 938-17-80, факс: (495) 938-00-96

e-mail: inslav@inslav.ru

Сайт института inslav.ru